

Вторая часть книги завершается специальным разделом, посвященным вопросу генезиса личного спряжения, где автор излагает также ряд интересных мыслей о формировании личного спряжения в даргинском языке. Прав автор, когда пишет, что мегебская система личного спряжения отражает изначальное состояние (личным окончанием здесь оформлено только 1 лицо, 2 и 3 лица их еще не имеют).

Однако не все положения и выводы книги можно безоговорочно принять.

К числу недостатков рецензируемой книги относятся: а) неадекватная лингвистическая квалификация отдельных фактов даргинского языка; б) неточная передача некоторых диалектных данных; в) наличие различных опечаток в материале.

Едва ли следует выделять в описываемых диалектах сравнительный падеж с формантом *-чи + б/-чи + р*, поскольку функции сравнения в даргинском языке выполняет сравнительная частица *-йчиб/-йчир/-ичив*, которая присоединяется ко всем падежным формам. На наш взгляд, нельзя говорить о неместоименном происхождении личных окончаний *-с*, *-хIа*, ибо окончание *-с* и его фонетический вариант *хI* — материально и семантически увязываются с указательным местоимением *иш* (← **ис*) «этот», «то, что здесь», «я» (ср. чечен. *со* «я»). Личные окончания *-ра*, *-ри*, на наш взгляд, имеют не местоименное, а глагольное происхождение. Первичными следует считать не *ну* «я» и личные окончания *-ра*, *-ри*, а *ду* «я», *-да*, *-деI-ди*, ибо для истории даргинского языка скорее характерен переход *д* в *р* или *н* (ср. архаичное окончание эргатива *-дI-ди* в консервативном чирахском, кубачинском и других диалектах, а также окончание *-ни*, представленное в прогрессировавших диалектах акушинского типа, или слова акушинского диалекта *дугъна* «старуха», *дудзи* «сестра», *дурси*

«девушка», *ду* «я», записанные Клапротом в 1814 г., и современные акушинские *рухъна*, *рудзи*, *рурси*, *ну*).

Аналитические формы, рассматриваемые автором как падежные, не всеми специалистами признаются таковыми. Отдельные морфологические категории и грамматические особенности анализируемых диалектов не получили достаточного освещения.

К недостаткам рецензируемой работы следует отнести также плохое техническое редактирование. Местами текст читается трудно.

Среди неучтенных автором работ отметим статьи М.-С. М. Мусаева [1] и С. М. Гасановой [2].

Несмотря на указанные недостатки, книга С. М. Хайдакова «Даргинский и мегебский языки» является ценным вкладом в даргиноведение. В ней содержатся богатый и разнообразный фактический материал неизученных диалектов и говоров даргинского языка, ряд новых мыслей о статусе отдельных идиомов даргинского подразделения дагестанских языков, о его морфологических категориях.

Фактический материал и выводы, содержащиеся в книге, составят исходный пункт для дальнейшего изучения даргинской мофологии как в синхроническом, так и в диахроническом плане.

Мусаев М.-С. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусаев М.-С. М. Чирагский диалект даргинского языка // Вопросы русского и дагестанского языкознания. Махачкала, 1975.
2. Гасанова С. М. Особенности падежной системы чирагского диалекта даргинского языка // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

Studies in ergativity / Ed. by Dixon R. M. W. Amsterdam — New York — Oxford — Tokyo: Elsevier Science Publishers B. V., 1987. 340 p.

Новый сборник, посвященный проблеме эргативности, составляют статьи, включенные в 71-й т. журнала «Lingua». Это издание, объединившее авторов чуть ли не всех континентов, хотя и уступает по количественным параметрам вышедшему около 10 лет назад аналогичному сборнику исследований по эргативности [1], несомненно, является отражением тех надежд, которые возлагают многие лингвисты на создание целостной типологии, способной по естественности своих

классификаций встать в одном ряду с другими сравнительными дисциплинами — ареальной и сравнительно-историческим языкознанием. Подтверждает подобную характеристику, на наш взгляд, и дискуссия по поводу соотношения интегральной и парциальной эргативности, развернувшаяся на одном из пленарных заседаний XIV Международного конгресса лингвистов [2—4].

Особые перспективы для создания цельной типологии появились в

70-е годы, когда центр внимания типологов сместился с проблемы эргативной конструкции предложения как частного проявления эргативности к пониманию данного феномена как целостной системы, реализующейся на разных уровнях языковой структуры. В это время были сформулированы две основные концепции эргативности. Первая, разрабатываемая преимущественно в публикациях Г. А. Климova [5—7 и др.], выдвигает на первый план исследований совокупность разноуровневых импликаций (цельносистемное определение). Вторая концепция предпочитает рассматривать как отдельно взятое любое явление, объединяющее субъект непереходного и объект переходного глагола в противоположность субъекту переходного глагола (парциальное определение).

Как представляется, эти направления (скорее взаимодополняющие, нежели взаимоисключающие) надолго определили специфику дальнейших типологических исследований. Трудно, например, назвать сейчас язык или семью языков, материалы которых не анализировались с применением парциального определения эргативности, прилагавшегося к явлениям морфологии, синтаксиса и в последнее время текста.

Как показывают исследования по «дискурсивной эргативности», в различных языках мира проявляется тенденция к морфологической немаркированности темы сообщения. С этим, видимо, связано соотношение форм абсолютива (95,4%) и эргатива (4,6%) в тексте, приводимое Дж. В. Дю Буа в статье «Ноль абсолютива: парадигматическая приспособляемость в сакаультекском диалекте майя», а также неоднозначность поведения эргатива, прослеживаемая в статье Я. Качуру «Эргативность, субъектность и топикальность в хинди-урду»: с одной стороны, он редко вводит тему сообщения, но, с другой стороны, наряду с дативом используется для ее дальнейшего обозначения. В то же время нельзя не согласиться с С. Камминг и Ф. Воук, утверждающими в статье «Имеется ли „дискурсивная эргативность“ в австронезийских языках?», что одной из существенных проблем, возникающих при изучении эргативности на уровне текста, является различие используемых разными авторами критериев. Представляется важным также их вывод о том, что «дискурсивная эргативность» никоим образом не может быть приравнена к текстообразующим функциям эргативной морфологии.

Складывается впечатление, что на современном этапе развития теории эргативности все большее распространение, особенно за рубежом (см., например [8—10 и др.]), получает именно такое направле-

ние исследований, при котором языковые данные тестируются на демаркацию SA/O или SO/A¹. В рецензируемом сборнике оно представлено статьями Т. В. Ларсена «Синтаксический статус эргативности в киче», где особое внимание уделяется вопросам и выделительным конструкциям, выходящим, на первый взгляд, за рамки эргативной схематики (синтаксическая эргативность киче доказывается при этом весьма необычным образом: как полагает автор, в этом языке имена как в объектной, так и в субъектной функции являются прямыми объектами), М. Клайман «Механизмы эргативности в Южной Азии», в которой устанавливается шкала возрастания/убывания эргативности в иранских, дардских, тибетских языках и бурушаски на основе рассмотрения падежного оформления имен, местоименных клитик, согласования главных и вспомогательных глаголов, и некоторые другие статьи.

В разысканиях такого рода рассматриваемые явления изначально предстают как изолированные, в результате чего возникает соблазн трактовать их как чисто комбинаторные: поскольку в переходном предложении необходимо различать субъект и объект, один из них обязательно маркируется. Если маркируется субъект, налицо эргативность, если же маркируется объект, налицо аккузативность (номинативность). Между тем поиск системных взаимоотношений эргативных и аккузативных характеристик, сосуществующих в рамках одной языковой структуры, позволяет постулировать наличие все нового и нового количества имплицативных связей, характеризующих эргативную и номинативную типологии как целостные языковые структуры. Бесспорным примером плодотворности поисков в данном направлении является формулировка иерархических закономерностей в оформлении эргативом и аккузативом именных членов предложения [11, 12].

Близка к такому пониманию точка зрения, принятая в статье Б. Левин «Средняя конструкция и эргативность». Ведущее различие между номинативностью и эргативностью, указывается в статье, заключается в разной интерпретации на уровне глубинной структуры семантических ролей агенса и пациенса: в номинативных языках это соответственно субъект и объект, в эргативных, наоборот, объект и субъект. Из этого следует опре-

¹ При этом не учитывается, как правило, совпадение характеристик субъекта переходного глагола и косвенных дополнений (чаще инструментального), присущее эталонным эргативным языкам. Счастливое исключение в данном сборнике представляет статья Б. Дж. Блейка (см. ниже).

деленная изоморфность пассива номинативных языков и антипассива эргативных, а также возможный параллелизм в оформлении среднего залога. Аналогии этому понятию в языках эргативного строя демонстрируются на материале так называемого «ложного рефлексива» в языке джирбал.

Здесь можно увидеть определенное сближение между цельносистемным и парциальным подходами. Все же, на наш взгляд, между ними сохраняется и существенное различие. Если в первом случае импликация обусловлена самой иерархической организацией языковой структуры (т. е. различие в лексике определяет различие в синтаксисе и далее в морфологии, и, наоборот, различие в морфологии свидетельствует о различии в синтаксисе и далее в лексике), то во втором они усугубляются более или менее эмпирически.

Первоначальная дихотомия «номинативности/эргативности» в последнее время все чаще дополняется третьим членом оппозиции — активным строем. Отношение к этому понятию современных лингвистов далеко не однозначно. Характерное для активной типологии противопоставление в оформлении субъекта семантически переходных глаголов по активности/инактивности трактуется рядом авторов как одно из проявлений парциальной эргативности: оформление субъекта инактивных глаголов следует эргативной схеме, активных глаголов — номинативной схеме. Именно эта точка зрения принята Р. Диксоном во «Введении».

Близость к этой концепции прослеживается и в статье Б. Дж. Хьюитта «Грузинский язык: эргативный или активный?», где предлагается вернуться к традиционной квалификации картвельских языков (точнее их дономинативного компонента) в качестве эргативных. В поддержку такого взгляда выдвигаются следующие аргументы: многие семантически активные глаголы требуют не повествовательного, как ожидалось бы, а именительного падежа субъекта, т. е. не соответствуют схеме активного строя; в диалектах встречается повествовательный падеж субъекта при некоторых инактивных по семантике глаголах и др. Думается, изучение такого рода отклонений весьма полезно, поскольку позволяет прогнозировать некоторые тенденции в развитии языковой структуры, но, к сожалению, трудно в данном случае определить, перешло ли количество в качество.

Полемизируя с А. Харрис, автор фактически упускает из виду специальную литературу по данному вопросу, изданную в СССР (например [13]), в которой, во-первых, обосновывается преобладание в современных картвельских языках но-

минативного компонента (нельзя в связи с этим не упомянуть и явно расходящуюся с этой характеристикой ремарку Р. Диксона на с. 14 об эргативности лазского языка) и, во-вторых, учитываются не только факты демаркации SA/O или SO/A, но и некоторые другие явления, непосредственно к этой схематике не относящиеся, но играющие существенную роль в решении вопроса о типологической принадлежности того или иного языка.

Выгодно отличаются в этом отношении две другие статьи, включенные в рецензируемый сборник, в которых также обращается внимание на некоторые нюансы, не вполне укладывающиеся в априорные схемы. Д. А. Холиски в статье «Падеж непереходного субъекта в цова-тушинском (баббийском) языке» предлагает детальную классификацию непереходных глаголов баббийского языка в зависимости от их употребления с номинативом или эргативом субъекта, различая глаголы с единственно возможным эргативом; с обычным номинативом, но возможным эргативом; с равновозможными номинативом и эргативом; с обычным эргативом, но возможным номинативом; с единственно возможным эргативом.

В основе этой классификации усматривается градация семантических ролей непереходного субъекта по активности/инактивности (пациент — тема — локатив — эффектор/тема — эффектор — агент), которая затем используется для формулировки правил употребления номинатива и эргатива при непереходных глаголах. Заметим, что автор использует традиционный для кавказоведения термин «номинатив», хотя, по словам Р. Диксона (с. 2), такое использование ведет к смешению двух типологически различных падежных единиц.

Высокий уровень детализации отличает и статью М. С. Полинской и В. П. Недякова, касающуюся различных способов выражения одной и той же семантической роли — в переходной эргативной конструкции, в антипассиве, при инкорпорации и т. п. Благодаря этому достигается возможность построения следующей цепочки иерархических взаимоотношений в кодировании объекта: абсолютив > косвенные падежи [датив > инструменталис > локатив] > инкорпорированный объект.

Важно, что выявляемые при таком анализе специфические особенности отдельных языков ведут не к пересмотру типологической характеристики в целом, а к отказу от жесткой соотнесенности элементарных типологических концептов: описание синтаксической структуры конкретного языка только в терминах субъекта/объекта или семантических ролей агенса/пациенса явно недостаточно. К та-

кому выводу нас приводит рассмотрение материала, анализируемого в статьях Д. Холиски и М. С. Полинской и В. П. Недялкова.

По-видимому, уже само операциональное (парциальное) определение языкового типа в настоящее время должно быть уточнено: активная типология не укладывается в рамки той рубрики, которую навязывает разграничение семантических ролей S, P и A. Соответственно, разграничение ролей S(A) и S(P), проводимое в языках активной типологии, не может квалифицироваться как расщепленная эргативность, так как подразумевает иной набор исходных понятий. В связи с этим схему из четырех элементарных семантических ролей, на которую опирается А. Е. Кибрик в статье «Конструкции с сентенциальными актантами в дагестанских языках», можно считать более адекватной. В силу этого типологически более значимыми оказываются и результаты исследования, изложенного в данной статье. В свое время тезис, согласно которому при эргативной морфологии синтаксис подавляющего большинства языков остается номинативным (аккузативным) (см. [8]), существенно изменил представления о природе эргативности. Судя по материалам, приводимым в работах А. Е. Кибрика (не только в данном сборнике, но и в ряде советских публикаций [14, 15 и др.]), мнение о предпочтительной аккузативности синтаксиса также является неверным: здесь существуют универсальные, типологически обусловленные и варьирующие от языка к языку признаки, так что в рамках одного языка могут сосуществовать одновременно явления номинативности, активности, эргативности, нейтральности и контрастивности.

Из этого вытекает, на наш взгляд, одно методическое следствие: если в эргативном языке то или иное явление имеет аккузативный характер, не следует считать его заведомым исключением. Более того, такие конструкции, как антипассив, с сугубо аккузативными признаками фиксируются только в эргативных языках. Аналогичным образом кажущаяся эргативность генитива при отглагольных именах (ср. *плач ребенка*, но *воспитание ребенка*) вызвана, конечно, не типологической принадлежностью языка, а большей семантической зависимостью объекта от глагола, на что указывал в свое время А. С. Чикобава [16, с. 29]. Нельзя не напомнить также высказанное в литературе мнение о генитиве как принадлежности преимущественно номинативной типологии. Думается, примеры такого рода далеко не исчерпываются вышеприведенными.

В полемическом духе написана статья А. Рамсея, о чем свидетельствует уже

ее название «Химера протоиндоевропейской эргативности». Как полагает А. Рамсей, предлагавшиеся реконструкции праиндоевропейской падежной системы, противопоставлявшей, по мнению ряда лингвистов (в статье излагаются взгляды К. К. Уленбека, Н. ван-Вейка, А. Вайана, Е. Куриловича и некот. др.²), эргатив и абсолютив, не соответствуют иерархии Сильверштейна и, таким образом, не могут быть приняты. Решающим моментом критики является представление о «расщепленности» реконструируемой эргативности. В действительности расщепленность не является необходимым условием подобной реконструкции, так как падежи на *-s (эргатив) и на *-m или *-0 (абсолютив) могли быть универсальными, одинаково характерными для одушевленных и неодушевленных имен. Трансформация этой системы в номинативную состояла в распространении исторического эргатива на выражение субъекта непереходных глаголов, представленных одушевленными именами, в то время как функция агенса, выраженного неодушевленным именем, постепенно вошла в сферу употребления исторического абсолютива. Ни на первом, ни на втором этапе «расщепленности», таким образом, могло не быть. Следовательно, апелляция к иерархии Сильверштейна, на наш взгляд, в данном случае некорректна.

Историко-типологический аспект проблемы эргативности отражен и в статье Б. Дж. Блейка «Грамматическое развитие в австралийских языках», в которой высказываются некоторые соображения о наиболее древнем реконструируемом состоянии падежной системы австралийских языков. Эта система, по мнению Блейка, включала оппозицию эргатива на *-lu, обозначающего не только агенс, но и инструмент действия, и неформального абсолютива. Интересно, что именно такое функциональное своеобразие эргативного падежа считается характерным признаком эталонных эргативных языков [7, с. 112]. Развитие в австралийских языках черт номинативности объясняется конфликтом между маркированностью агенса и его стремлением выполнять функцию темы сообщения, которая, в свою очередь, имеет тенденцию к немаркированности.

Конечно, далеко не весь круг проблем, связанных с эргативностью, нашел освещение на страницах рецензируемого сбор-

² К сожалению, завоевывающая в последнее время все большее признание гипотеза об активной типологии праиндоевропейского состояния (см., например [17]) в статье не обсуждается, что, возможно, вызвано пониманием активности как расщепленной эргативности.

ника. Тем не менее его содержание наглядно демонстрирует как достигнутые успехи, так и нерешенные вопросы, исследованию которых в последнее время уделяется все большее внимание.

Алексеев М. Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ergativity: Towards a theory of grammatical relations / Ed. by Plank F. L. 1979.
2. Comrie B. Holistic versus partial typologies // Vorabdruck der Plenarvorträge XIV Intern. Linguistenkongress. Berlin, 1987.
3. Климов Г. А. Интегральная типология vs. парциальная типология // Vorabdruck der Plenarvorträge XIV Intern. Linguistenkongress. Berlin, 1987.
4. Seiler H. Language typology in the UNITYP model // Vorabdruck der Plenarvorträge XIV Intern. Linguistenkongress. Berlin, 1987.
5. Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
6. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.
7. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. М., 1983.
8. Anderson S. R. On the syntax of ergative languages // Proceedings of the XI-th Congress of Linguists. Bologna, 1974.
9. Comrie B. Ergativity // Syntactic typology: Studies in the phenomenology of language. Austin, 1978.
10. Dixon R. M. W. Ergativity // Language. 1979. V. 55. № 1.
11. Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Grammatical categories in Australian languages. Canberra, 1976.
12. Козинский И. Ш. Некоторые универсальные особенности систем склонения личных местоимений // Теория и типология местоимений. М., 1980.
13. Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. М., 1980.
14. Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности // Предварительные публикации ИЯ АН СССР. Вып. 126—130, 140, 141. М., 1979—1981.
15. Кибрик А. Е. Конструкции с предикатным актантом в дагестанских (эргативных) языках // Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983.
16. Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
17. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. I—II. Тбилиси, 1984.

Butler Chr. Statistics in linguistics. Worcester: Billings Ltd., 1935. 214 p.

В исследовании языка, как и в естественных и точных науках, многие виды работ требуют сбора и обработки количественных данных. Специалисту в области лингвостатистики важно получить лексический спектр частот данного текста и сравнить его с теоретическим распределением словаря в текстах такого типа. Стилисту может быть интересно рассмотреть длину слова или предложения в различных жанрах, в произведениях различных авторов, в произведениях одного и того же автора, но на разных языках и т. п. Потребность в литературе, имеющей своей целью научить филолога мыслить статистически или хотя бы уметь корректно использовать в своей работе, в интерпретации языковых явлений числа, в последнее время особенно возросла. К сожалению, издания такого рода довольно немногочисленны (см. [1, 2], ср. [3] и [4]).

Рецензируемая книга лектора по лингвистике Ноттингемского университета (Великобритания) Кр. Батлера является введением в статистику для лингвистов. Она ставит своей целью научить филоло-

га применять статистическую технику при анализе лингвистических данных и предназначена для исследователей в области общей и прикладной лингвистики, которые не имеют предварительных знаний статистики.

Работа состоит из 12 основных глав и двух приложений. Кроме того, она снабжена указателем статистических терминов. В отличие от многих курсов статистики для нематематиков автор придает большое значение обоснованию того или иного метода. Ответы на вопрос «почему» в статистике интересуют его не меньше, чем ответ на вопрос «как». К. Батлер не просто предлагает ту или иную формулу, он вводит эту формулу, объясняя при этом, почему надо применять именно ее. Причем для понимания содержания книги читателю вполне достаточны знания школьного курса математики.

В первой главе книги дается определение и лингвостатистическая интерпретация фундаментальных понятий статистики. Автор приводит описание генеральной совокупности и выборки и дает их